

Вариации на тему гения

Посвящается Гленну Гульд

Нью-Йорк

Петр Вайль

начала на экране появляется снежная пустыня с черной точкой вдали, точка постепенно увеличивается, пока не превращается в великого пианиста. Обратной последовательностью фильм заканчивается. Но куда ушел Гульд, мы уже знаем, потому что посмотрели 32 фрагмента на тему его жизни — картина канадца Франсуа Жирара так и называется: «32 короткометражки о Гленне Гульде». Мы уже видели предпоследнюю часть с запуском космической ракеты и узнали о том, что в 1987 и 1989 годах покинули пределы Солнечной системы два американских «Вояджера», несущие другим разумным жителям Вселенной атрибуты земной цивилизации: из музыки — запись «Хорошо темперированного клавира» Иоганна Себастьяна Баха в исполнении Гленна Гульда.

Так что в какую точку превратилась Гульд, понятно. Понятно и нам, и тем зеленоватым существам, которые сейчас блаженствуют под его игру, смахивая слезу с единственного глаза всеми шестью мохнатыми лапками. Вообще более или менее ясно — куда уходит гений: в другие галактики, соскучившись с нами. Гораздо сложнее и мучительнее вопрос — откуда гений приходит?

Недавно Иосиф Бродский сказал, что можно пройти две войны, провести двадцать лет в лагере — и не произнести по этому поводу ни одного значительного слова, а можно наскоро переспать с Анной Петровной Керн — и оставить потомкам «Я помню чудное мгновенье». Связь между биографией и творчеством нет, и искать ее бессмысленно.

Это, конечно, так, но обратную связь — между творчеством великого человека и его биографией — всегда искали и всегда будут искать. Причин множество, начиная с самой явной — здорового и нездорового любопытства. Но в основе — перевод проблемы из сферы гуманитарной в естественнонаучную: поиск формулы гениальности. Твердая вера в особый химический состав великого человека, который, изучив и определив, можно повторить. Должна же быть в специфике родительских ссор, потери невинности, школьной успеваемости, режима дня и манеры почесываться — закономерность, складывающаяся все это в строчки, от которых перехватывает дыхание. Но из чистого углерода состоят и алмаз, и графит. Исследовав химию гения, написавшего «Я помню чудное мгновенье», и определив его формулу, мы старательно выведем на бумаге «Я припоминаю симпатичную минутку».

Ну и что? Можно подумает, кого-то когда-то в чем-то останавливала недостижимость цели. Тем более что рядом — клевет, рядом — носят корзинами. Мы тоже хотим знать грибные места.

Почему клевет у Гульда — об этом мир захотел узнать еще 39 лет назад. Столько длится гульдовская легенда — с тех пор, как 23-летний канад-

КОЛМ ФИОРЕ В РОЛИ ГЛЕННА ГУЛЬДА

ский пианист выпустил запись баховских «Гольдберг-вариаций», резко изменив стандарты отношения к Баху, самой фортепианной игре, доступности классики. Бездонные тайны жизни и мелкие практические подсказки открываются за этот час — точнее, 51 минуту 19 секунд: столько длится гульдовская запись.

Наверное, вопросом специально занимаются музыковеды, но без Гульда по-иному сложилась бы и поп-музыка 60-х — прежде всего «Битлз», в подтексте (а иногда и в тексте) которых присутствует по-гульдовски переосмысленный Бах. Конгениальность — единственное слово, определяющее то, что совершил Гульд, играя Гайдна или переложения Вагнера, пьесы Рихарда Штрауса или Моцарта. Он сумел заново и при этом несокрушимо убедительно прочесть Ветхий и Новый Заветы фортепианной музыки — «Хорошо темперированный клавир» и 32 сонаты Бетховена.

И, наконец, Гульд совершил два поступка, придавших законченность его мифу: в 1964-м, на пике славы, покинул публику, отказавшись от концертов и перейдя только на звукозапись; в 1982-м, на пике величия, скончался от инсульта в возрасте 50 лет.

Подлинный творец всегда одинок — это как бы аксиома гениеведения. Глубоко погрузившийся в свое торонтское затворничество, отвергший величайший соблазн любого артиста — беснующийся зал, эксцентрик и мизантроп, превративший день в ночь, а человеческое общение в телефонные монологи, пожиратель транквилизаторов, поклонник снега и холода, сделавший как-то радиопередачу «Идея Севера», подмороженный канадец Гульд — идеальная иллюстрация этой аксиомы. Но что-то смущает в таком хрестоматийном образе. Если это и одиночество — то очень многолюдное и оживленное. Я бы даже сказал — многолюднее не бывает. Дело в том, что в любом, самом глухом уединении подлинно великий творец так сильно воздействует на умы и души современников, что обратная волна, мощнейшая сила отдачи дискредитируют даже самую идею затворничества. Если, конечно, творец не перестает творить, как перестал писать Рембо и играть в шахматы Фишер — но Гульд продолжал потрясать мир своими записями, и как бы он ни прятался от аудитории, его аудитория расширялась с каждым днем, пока не вышла за пределы Солнечной системы. И об оди-

ночестве здесь не может быть речи — даже обычном человеческом, экзистенциальном: гений не совсем человек, и можно подозревать, что в глубине души у него один глаз и шесть мохнатых лапок.

Режиссер Франсуа Жирар принял очередную безнадежную попытку разобраться в химии гения — самую талантливую из мне известных. Его «короткометражки» — от 45 секунд до 4 минут — используют разную кинотехнику и любые жанры: это и игровые эпизоды, и мультипликация, и документальные интервью, и пейзажные фрагменты, и хроника, и даже рентгеновская съемка. Жирар не пошел по основательному пути традиционной методики — составление донжуанского списка Пушкина, хронометраж жизни Флобера, компьютерный обсчет дневников Кафки, — а применил баховский метод темы с вариациями. Фильм и построен как «Гольдберг-вариации» из тридцати двух частей, правда, идет на 43 минуты дольше, но, в конце концов, Жирар не Гульд. Кусочки складываются в мозаичную картину, тем более захватывающую, что ни разу мы не видим актера Колма Фиоре, играющего главную роль, за роялем. Фильм не о пианисте, а о гении.

Это девальвированное слово («Старик, гениально!») давно пора бы употреблять по делу, причем без обозначения профессиональной принадлежности: гений — это вообще. Его занятие — не писать стихи или играть на рояле лучше всех, не числиться даже высочайшим начальством по какому-либо конкретному ведомству, а представлять человечество и эпоху на межгалактическом уровне.

И, наверно, верительные грамоты нашего ревизионистского времени вручать должен как раз Гульд — мастер пересортицы, виртуоз трактовки, гений интерпретации.

Мы с удовольствием говорим, что цивилизацию характеризует средний уровень, средний класс, культурное среднегорье. Я тоже, как попка, радостно повторяю это, хотя и чувствую, что придумали концепцию мы, люди из середины, в целях самозащиты. А судят наше поколение, как и прошлые, как и грядущие — по ним, по гениям. Мы, оглядываясь, видим лишь вершины. С «Вояджера» нас не разглядеть, и Гульд там пыхтит в своей неповторимой низкой посадке, перебирая пальцами на уровне плеч, бормочет и мурлычет, перебивая звуки клавиш — старается за нас.